Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодежью в рамках XIII Всемирного русского народного собора

Дорогие друзья, я хотел бы, прежде всего, поблагодарить вас за то, что вы собрались на эту встречу. Для меня как для Патриарха и епископа Москвы очень важно видеть ваши лица и слышать ваши голоса. Церковь может успешно нести свое свидетельство миру, она может достигать человеческих сердец, реально помогать людям только тогда, когда ее служители понимают запросы и чаяния, радости и скорби, надежды и разочарования своих современников.

Мы с вами живем в непростое время. С одной стороны, существует достаточно высокий жизненный уровень людей. Разве можно сравнить нынешний жизненный уровень и уровень потребления с тем, что было 50 и более лет тому назад? С другой стороны, возникает так много новых проблем, что лавина этих проблем часто затмевает в нашем сознании удовлетворение теми достижениями, которые существуют. Каждый знает, что большой интерес вызывает появление новых образцов техники, в том числе новые машины, самолеты, бытовая техника. Нам кажется, что с появлением новых видов техники, с новыми технологиями, с созданием современной инфраструктуры улучшится и жизнь людей. Некоторые придерживаются довольно прекраснодушного взгляда на человеческий прогресс: если будут лучше автомобили и самолеты, будут шире и качественнее дороги – значит, и жизнь будет лучше. Я хотел бы с вами поделиться своими мыслями по этому поводу.

Я начал работать в Москве 20 лет тому назад. Вначале сам за рулем был, а потом меня стали возить на машине, которая называлась «Волга» ГАЗ-24. Люди старшего поколения хорошо этот автомобиль знают – не очень комфортная машина. Но когда меня сегодня привезли к вам в шикарном «Мерседесе», это дало мне возможность спросить себя: «А когда я был более счастлив, когда я до работы за 20 минут доезжал на “Волге”, или когда большинство людей в хороших машинах добираются до работы за 45 минут, за час, за полтора?» Мне вчера позвонил один священнослужитель и сказал, что он в неплохой машине до дома добирался четыре часа. Есть такое понятие – качество жизни. Понятие это, несомненно, связано с материально-техническим прогрессом, но было бы огромной ошибкой считать, что именно материально-технический прогресс, именно рост материального благосостояния обеспечивает должное качество жизни людей.

Можно привести и другие примеры. Так, все знают, что для того, чтобы экономика развивалась,

непременно нужно развитие производства. Но производство требует ресурсов, в том числе и невосполняемых ресурсов Земли. Всякое производство связано с загрязнением окружающей среды. И хотя сейчас предпринимаются огромные усилия, чтобы снизить нагрузку на природу от хозяйственной деятельности человека, существует феномен деградации окружающей среды, и каждый человек на своем опыте может это ощутить, особенно в крупных городах. Давайте спросим себя: готовы ли мы выбирать новые машины, телевизоры, холодильники, инфраструктуру, жилища, и при этом – загрязненную среду обитания, отсутствие чистой воды, свежего воздуха?

Конечно, технически и с этим можно справиться, но я привожу эти примеры только лишь для того, чтобы показать: взбираясь на гору и думая, что, достигнув этой высоты, мы будем иметь полноту жизни, мы видим, что там, на горизонте, – другие горы, во много раз выше, круче и опасней, и на них снова нужно взбираться. Но жизнь-то человеческая ограничена конкретным сроком, как в слове Божием сказано: семьдесят, от силы – восемьдесят лет (см. Пс. 89.10). И ведь каждая человеческая личность уникальна и ценна, и во время этих семидесяти, даст Бог, восьмидесяти лет должно осуществиться самое главное и основное, ради чего мы живем. Теория прогресса, которая питала в том числе и атеистическое мировоззрение, просто захлебывается в этих конфликтных схемах: развивая одно, мы губим другое; надеясь, что одно поможет стать счастливым, и очень многое ставя на это, в данном случае – на материальную сторону своей жизни, мы убеждаемся, что счастье человека в полной мере не зависит от всего того материального, ради чего зачастую мы живем и чему отдаем все свои силы.

Мне бы хотелось сказать еще об одном аспекте этой темы, и я считаю это очень важным. Обычно получается так, что человек, жизненная перспектива и мировоззрение которого ограничиваются сферой земного бытия, достигая преклонного возраста, сознает, что он многого не сделал. Если у человека достаточно развито критическое мышление, то он понимает, что он чего-то сделать не успел, и у многих это связано с жизненной катастрофой. Совсем недавно я разговаривал с одним внешне благополучным человеком, который поделился своими мыслями и сказал: «Знаете, мне в жизни ничего не удалось сделать!» – «Но как же так? Вы занимаете неплохое положение, у вас есть хорошая зарплата, семья». – «Да. А по-настоящему мне ничего не удалось сделать». И ведь многие вместе с этим человеком могут так сказать. Речь идет не только о величайших достижениях – человек говорит, что ему ничего не удалось сделать, вовсе не обязательно потому, что он открытия мирового не сделал или олимпийским чемпионом не стал. И многие это понимают: не хватило времени жизни, сил не хватило, стечение обстоятельств привело к тому, что человек чувствует себя неудачливым.

Что же все это означает? В прежние времена, когда религиозной аргументации не существовало, нас убеждали в том, что человек живет ради будущих поколений; что бессмертие человека – не онтологическое, то есть не существует реально для каждой личности; но есть, так сказать,

бессмертие относительное, бессмертие как образ, а реализуется этот образ в передаче следующему поколению неких ценностей. В связи с этим возникла идея, что мы живем ради следующих поколений.

Эта мысль иногда присутствует и в современном дискурсе: мы живем ради детей, ради будущего поколения. В каком-то смысле это правильно, а в каком-то – совершенно неверно. Разве каждое последующее поколение обладает большей ценностью, чем предыдущее? А поколение тех, кто защищал Родину во время Великой Отечественной войны, имеет меньшую ценность, чем поколение нынешнее? Конечно, отдавая себя другим, человек растет и, может быть, становится через это счастливым, но сводить жизнь человека к тому, что нужно делать все для следующих поколений и тем самым как бы обеспечивать себе бессмертие – неправильно.

Если мы замыкаем нашу перспективу жизни порогом смерти, если не верим в вечное существование человеческой личности, то очень многое из того, что мы делаем, становится бессмысленным. Поэтому вопрос, есть ли Бог или Его нет, верить или не верить – это не тот вопрос, который можно решать по остаточному принципу: вот я все остальное решу, а потом, на пенсии, подумаю, на пенсии и в церковь схожу. От того, как мы решаем этот вопрос, зависит наше мироощущение, зависит наша жизненная философия и в конечном итоге зависит наше счастье. И если Господь сказал : *Я есть Путь и Истина и Жизнь* (Ин.14. 6), то я верю каждому этому слову, верю, что Он есть Путь, Истина и Жизнь, а раз так, то нужно идти этим путем, чтобы обладать истиной и иметь полноту жизни.

А теперь я хотел бы поговорить о некоторых конкретных вещах. Говоря о вопросах человеческой жизни, я не буду особым образом выделять молодежь. Выделяя молодое поколение, мы обнаруживаем некий патерналистский подход. Даже когда мы говорим о том, какая у нас прекрасная молодежь, в этом чувствуется взгляд сверху вниз. Не говорит же молодежь: «Какие прекрасные у нас старики». По крайней мере, я ни разу не слышал. А вот у пожилых людей, у людей зрелых есть желание сверху вниз посмотреть и сказать: «Какие вы милые, какие у вас глаза хорошие, какие вы все умные».

Мне кажется, что надо просто всерьез говорить о жизни – какая разница, молодой ты человек или старый? И молодой, и старый переживают боль, страдают от нанесенных ран. Молодежь – это зрелая часть нашего общества. Я думаю, что ошибки нашей педагогики и сводятся к неизменному патернализму. Мы смотрим сверху вниз, любим постоянно критиковать, очень любим поправлять, очень любим требовать, чтобы молодежь непременно жила так, как мы жили прежде или как живем сейчас.

На самом деле, молодежь – это органическая часть всего общества, и говорить о проблемах с

молодежью надо тем же языком, которым следует говорить с людьми старших поколений. И не должно быть никакого сюсюканья, никакого подыгрывания. Вспоминаю, как я впервые участвовал в большой молодежной конференции. Это было в далеком 1968 году в Праге, в Чехословакии. Первый раз я оказался на очень большой межхристианской ассамблее – я был послан туда как представитель православной молодежи Советского Союза. То был особый год – кто не помнит того времени, знает о нем по книгам: в августе месяце в Прагу были введены советские войска. Это было очень сложное время в истории нашей страны и Восточной Европы.

Конгресс, в котором я участвовал, проходил в марте, за несколько месяцев до этих событий. И я вспоминаю о чувстве, которое пережил: перед огромной молодежной аудиторией выступали различные деятели – общественные, политические, и я ловил себя на мысли, что каждый из них желает понравиться молодежи, а для этого пытается использовать молодежный жаргон, молодежную одежду. Вот выходит такой уже старчик, а пытается вести себя, как молодой человек, и выглядит комично, карикатурно.

С молодежью следует говорить абсолютно так же, как мы говорим со всеми остальными: в первую очередь, с большим уважением и любовью, ибо молодежь – это потенциал будущего, но одновременно – на совершенно серьезном языке взрослых людей.

Мне хотелось бы, не выделяя в данном случае молодежь как отдельную касту в обществе, говорить о наших проблемах, о проблемах нашей жизни. Есть большая опасность в том, какое влияние оказывает на человека информационное общество. Мы действительно живем в новой реальности, мы живем в другом мире, и эту инаковость создали в первую очередь новые картины общественной жизни, сформированные колоссальным потоком информации. Люди молодые, конечно же, к этому привыкли, потому что многие из них родились уже в условиях информационного общества. Люди же зрелого возраста видели все то, что произошло за последние 20 – 30 лет со страной, с людьми, и имеют возможность сравнить.

Информационное общество имеет много преимуществ по отношению к тем обществам, которые так не назывались и по сути таковыми не были. В первую очередь – это возможность получать информацию и интеллектуально расти. Сегодня только если человек очень ленив, он не будет расти интеллектуально. Но если лень под контролем, то появляются неограниченные возможности для интеллектуального роста: компьютерные технологии, которые выводят нас на любые источники знаний, научная работа, которая становится просто захватывающе интересной, потому что у человека, сидящего дома, открываются такие возможности, о которых в прошлом даже помыслить было невозможно. Все это, конечно, подталкивает научно-технический прогресс, но, с другой стороны, в этом информационном потоке чего только нет!

Могучий поток информации оказывает колоссальное воздействие на психику людей, на состояние их душ. И вот здесь возникает вопрос: а как относиться к этому потоку, ведь он может действительно смести человека, разрушить его самобытность, некую его подлинность, идентичность – духовную, культурную, национальную. И так и происходит во многих случаях.

Именно поэтому очень важно выстраивать систему отсева информации, ставить перед собой некий фильтр, который помогал бы человеку не просто отбрасывать лишнее, но критически воспринимать все то, что на него обрушивается. Для этого необходим внутренний критерий, используя который, человек мог бы разумно воспринимать поступающую информацию и использовать ее во благо, отсеивая все то, что может разрушать человеческую личность.

Но чтобы иметь такой критерий, внутри себя нужно иметь некую норму. Понятие нормы – чрезвычайно важное, но норма опять-таки чем-то и как-то формируется. И вот здесь я хотел бы перейти к очень важному вопросу – вопросу о ценностях, ведь в первую очередь норма, основываясь на которой, можно фильтровать поступающую информацию, – это система ценностей, которая присуща человеку. Но ведь информационный поток, обрушивающийся на человека, и предполагает формирование неких ценностей – по замыслу тех, кто этот поток создает. Именно поэтому в информационном потоке идет борьба между ценностями, и человеку очень трудно сориентироваться, а современная философия, так называемая философия эпохи постмодерна, если она усваивается, создает еще больше трудностей.

Постмодерн – это такая философия жизни, которая предполагает равнозначное положение всех идей и всех взглядов, - каждый человек может выбирать; не существует истины, истина субъективна. Конечно, существует научная, объективная истина: дважды два – четыре, но речь сейчас идет о ценностях. Для философии постмодерна не существует никаких ценностных систем, которые могли бы претендовать на то, чтобы быть истинными системами. Это создает релятивистский подход человека к восприятию информации.

Сейчас, как вы знаете, по указанию Президента создается комиссия, призванная бороться с фальсификацией истории. Вот на примере Великой Отечественной войны мы видим, как, действительно, формируется такой подход к истории, который совершенно опрокидывает все достижения в том числе нашего народа в победе над фашизмом. И это предлагается обществу как один из взглядов. А почему нет? Рынок идей: что имеет большую привлекательность, что лучше рекламируется, что лучше поддерживается информационной машиной, то и выигрывает. И как легко потерять истину, как легко за нее принять ложь, когда в общественной философии эпохи постмодерна отсутствует само понятие истины.

То, что громко, на весь мир, говорит Церковь, сегодня мало кто говорит. И мы сознаем, какие

риски связаны с этим свидетельством, потому что в этом смысле Церковь идет против течения. Мы говорим о том, что существует объективная истина в системе ценностей, потому что Бог, создав человека, вложил в его природу некоторые качества и свойства, определяющие эту объективную систему ценностей. Бог создал человека, даровав ему Свой образ, а неотъемлемой частью этого образа является нравственное чувство.

Нравственная основа человека является критерием истины. Нравственность – это способность отличать добро от зла посредством внутренней сигнальной системы. У нас есть такая сигнальная система – это голос нашей совести. Конечно, голос совести можно заглушить, можно пропить, и апостол Павел говорит о *сожженной совести* (1 Тим. 4. 2), но, тем не менее, существует удивительный факт: люди, живущие в разных культурных средах и даже в разные эпохи, имеют одно и то же понимание добра и зла – фундаментальное понимание, не в деталях, а по сути, – которое опознается голосом человеческой совести.

Те философы, которые не согласны с таким подходом, которые придерживаются сугубо материалистических взглядов в том числе и на происхождение совести, убеждают нас в том, что она является продуктом общественного развития, что на формирование совести влияет культура, образование, климат, география, социальное положение. Хорошо известен марксистский подход к этому вопросу: совесть формируется под влиянием классовой принадлежности, и поэтому ничего, мол, тут мистического нет.

Но если разобраться во всех этих подходах, то они оказываются не просто ошибочными, а очень опасными для человеческой жизни. Если совесть зависит от внешних обстоятельств, если понятия добра и зла в России не такие, как в Америке, если голос совести детерминирован внешними факторами, то нравственности действительно не существует. Но тогда в человеческих отношениях происходит что-то очень опасное. Давайте вспомним: «Хорошо то, что хорошо для рабочего класса», – и сколько миллионов жизней было погублено! «Хорошо то, что хорошо для великой Германии» – и сколько миллионов людей загубили!

Там, где существует нравственный релятивизм, нет нравственности. И если нас сегодня учат, что совесть в Папуа-Новой Гвинее не такая, как во Владивостоке, – это не просто ошибка; это опасное учение, которое предполагает относительность нравственного чувства.

Фильтр, необходимый для того, чтобы критически воспринимать обрушивающийся на нас поток информации, – это в первую очередь наш нравственный голос. Мы должны по совести определять, что такое хорошо, а что такое плохо. Но сделать это очень непросто – помимо нравственного чувства должно быть еще некое мировоззрение, некий набор идей. Откуда же этот набор идей должен появиться, откуда должна к нам прийти система ценностей, которую мы могли

бы налагать на информационный поток современного информационного общества? Есть такое понятие: предание, традиция. Я представляю, как на это слово многие реагируют: «Предание, что это такое? Плюсквамперфект какой-то, при чем здесь я и при чем здесь какие-то старые истины?» На самом деле традиция важна не потому, что она хранит прошлое – в прошлом ведь было много и хорошего, и плохого. Традиция не призвана сохранять все из прошлого. Мы с вами выметаем мусор из нашего дома, а мусор – тоже прошлое. Подлинная традиция не хранит мусора – она хранит только ценности.

Иногда хранение этих ценностей облекается в определенную культурную оболочку, которая в одних случаях помогает современным людям эти ценности принять, а в других случаях – мешает. Когда мы говорим о традиции Церкви, о христианском предании, которое идет от Господа Иисуса Христа, мы говорим о вечных и неизменных ценностях, которые сохраняются в предании и последовательно передаются каждому последующему поколению. Это не архаизмы, это не старая философия, но ценности, проистекающие в том числе из нравственной природы человека и обогащенные человеческим опытом. Если мы отрицаем традицию как носителя этого критерия ценностной истины, то мы становимся абсолютно разоруженными перед огромным потоком информации, нам трудно отсеивать правду от лжи, разбираться в том, что происходит. Поэтому быть христианином сегодня – это в первую очередь иметь критерий, используя который, мы можем себя обогатить за счет информационного потока и защититься при этом от негативных и разрушительных тенденций и влияний.

А как овладеть этим критерием? Просто прочитать Евангелие? Наш высокоинтеллектуальный век требует от людей постоянной работы ума. Если эта работа прекращается, человек становится легко управляемым извне. Мы должны творчески воспринимать предание, которое передается в том числе и Церковью. Нужно не просто читать тексты, нужно думать, нужно создавать систему общения, в которой мы имели бы возможность, беседуя, взаимно обогащать друг друга, обмениваться своим пониманием того огромного духовного и интеллектуального опыта, который передается нам через предание.

Этого, пожалуй, сегодня не хватает в Церкви. Мы, конечно, произносим в храмах проповеди, в которых пытаемся помочь людям принять этот критерий истины. Но у нас еще до сих пор очень мало других возможностей, может быть, потому что пока плохо организована такая работа: у нас нет дискуссионных групп, нет молодежных и иных собраний, где люди живо обсуждали бы свою веру применительно к современным проблемам.

Невозможно иметь живую веру и тем более невозможно понять пользу от нее, когда эта вера ассоциируется с какой-то книгой, поставленной на полку. Но если вера становится частью постоянных размышлений, творческого напряжения личности, если вера используется для

мотивации своих действий в личной, семейной, общественной, профессиональной, государственной деятельности, если вера сопрягается с реальной проблематикой современной жизни, она становится живой, эффективной, каждый человек видит ее пользу.

Хотел бы привести пример своей жизни. Я стал верующим человеком от самого своего рождения, потому что родился в такой семье, но где-то в четырнадцать-пятнадцать лет стал очень увлекаться точными науками, тем более, что они мне легко давались; много читал популярной научной литературы, а в то время эта литература была очень идеологически ориентирована в сторону атеизма. Конечно, у меня стали возникать сомнения. И вот для того, чтобы с этими сомнениями справиться, ответить на многие вопросы, я стал читать. К счастью, у отца была прекрасная библиотека с замечательными книгами, которые для нашего народа стали доступны только в нынешнее время. Это мне помогло переоценивать и переосмыслять очень многое из того, чему я был научен от родителей и научило меня некоей богословской рефлексии, которой я живу до сих пор. Богословская рефлексия – это способность реагировать на окружающий мир не с точки зрения эмоций и чувств, а с точки зрения своих убеждений; способность подвергать информацию, которая на тебя обращена и которая тебя поглощает, критическому анализу, в основе которого – твои собственные убеждения.

Я не вижу другого пути для духовного возрождения нашего народа, кроме как перевести религиозный фактор исключительно из сферы фольклора, культуры в сферу реальных размышлений, в сферу реального творчества, чтобы религиозные истины помогали человеку справляться в том числе и с кризисными явлениями, которые существуют в современной цивилизации и которые наверняка не исчезнут из этой цивилизации с окончанием текущего экономического кризиса. Другими словами, сегодня, чтобы сохранить себя, свою страну, свою культурную самобытность, чтобы нас не раздавил информационный поток, мы должны научиться сопрягать свои убеждения с реальностью.

А теперь последнее, о чем я хотел бы сказать. Мы как человеческая цивилизация действительно вошли в очень сложный период – период кризисного бытия. Большое заблуждение считать, что где-то какие-то ипотечные проблемы явились причиной обрушения мировой экономики. Это примитивный взгляд на нынешний кризис.

Я стараюсь задавать вопросы о происхождении этого кризиса, общаясь с людьми, которые компетентны в этом, – с политиками, с экономистами. Я не получил еще ясного и убедительного ответа, откуда же эта напасть. Как же получилось так, что деньги исчезли? Откуда спад производства? Ну, понятно, что спад производства обусловлен перенасыщением рынка, но ведь перенасыщения рынка нет и в помине. Классическая марксистская экономика говорила о том, что кризис – это результат перепроизводства. Но, может быть, где-то произвели что-то лишнее, но

ведь каждый из нас этих излишеств не видел и не чувствовал.

Есть какие-то подспудные, для меня пока не очевидные причины мирового экономического кризиса. Поскольку я всегда стремлюсь к богословской рефлексии, то попытался свои религиозные взгляды, свое понимание мира и человека наложить на то, что сегодня происходит. У меня вырисовывается вот какой ответ: мир сегодня потрясает не только экономический кризис. Мы уже говорили о проблемах экологии, и Всемирный русский народный собор, в рамках которого проходит сегодня эта наша встреча, обеспокоен данной проблемой. Совершенно очевидно, что мы проходим и через экологический кризис. Мы уже говорили о культуре постмодерна. А разве все то, что сегодня происходит в этой сфере, не является культурным кризисом? Кроме того, разве не существует кризиса национальной идентичности? Совсем недавно у нас в стране, везде – куда ни глянь – был кризис: и в экономике, и в культуре, и в образовании, и в спорте кризис. Но если сейчас кризис системный не только у нас, но и во всем мире, то, может быть, есть какая-то единая основа этого кризиса? Я отвечаю так: есть первопричина –это кризис человеческой личности, это кризис нравственного чувства, это кризис потери ценностей.

А если утеряны нравственные ценности, если затмевается нравственное чувство, то почему не криминализировать экономику и не только в масштабах этакого местечкового криминала? Почему ее глобально не криминализировать? Почему не напечатать столько бумажек определенного цвета, который нам хорошо известен, чтобы это спровоцировало колоссальные инфляционные процессы и, конечно, послужило одной из причин экономического кризиса? Если нравственность оторвана от экономики, почему бы это не делать, тем более, если печатный станок в твоих собственных руках? Почему не торговать этими самыми бумажками? Деньги являются эквивалентом труда, и до недавнего времени товаром были только человеческие усилия и то, что в их результате люди, как говорят инженеры, имели на выходе, – реальные товары, реальные ценности. Но за последние десятилетия большинство капиталов формировалось на спекулятивной основе, потому что торговать стали деньгами, долговыми расписками и всем тем, что представляет из себя современный финансовый рынок. Люди богатели в одночасье, только лишь играя на курсах обмена валют или играя на бирже, покупая или продавая те или иные акции. Они практически из воздуха получали миллиарды, но ведь так не бывает! Деньги – это эквивалент реального руда и реальных ценностей. А если нет ценностей, какая же экономика может существовать? Так поступать могут только те личности и целые системы, которые напрочь отторгают экономическую деятельность от нравственности.

То же самое и в области политики. Мы очень многое потеряли, в том числе и в 90-е годы, когда декларировали одно, а делали другое. Это очень болезненный период истории нашей страны. Слава Богу, что эта страница была перевернута, и сегодня мы должны дорожить тем, что у нас есть. И Церковь, находясь вне политики и не отдавая никаких предпочтений тем или другим

политическим силам, утверждает, что сегодняшний курс страны соответствует нашим национальным интересам. И дай Бог, чтобы спекуляция на экономических трудностях, которые сегодня реально возникли в нашем обществе не по вине нашей страны, а были привнесены извне, не вернула нас снова в реальность 90-х годов, когда мы с легкостью могли потерять Россию. Мы все должны быть очень бдительными, и богословская рефлексия важна, и голос совести тоже должен работать, чтобы уметь отличать правду от лжи, добро от зла.

Я глубоко убежден, – а как Патриарх я говорю не только о России, но о всей исторической Руси, о Святой Руси, – что если весь наш народ, народ исторической России сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем очень сильными, мы будем сильнее всякого кризиса. Но если снова соблазнимся на очередные «-измы», на очередные псевдофилософии, которые в этом информационном потоке обрушиваются на нас знамением постмодернистской реальности, то, может быть, страна этого уже и не выдержит.

Мы с вами живем в ответственное время. У нас нет права на ошибку, и вот почему: сегодня утром я служил литургию на Бутовском полигоне, где были расстреляны более двадцати тысяч человек, многие из них - священнослужители, монахи, монахини, верующие люди. Это наша русская Голгофа, российская Голгофа, потому что там не только русские, православные. И, казалось бы, что мы можем полезного почерпнуть из этой трагедии? Есть нечто очень важное: трагедия XX века дала нам уникальный опыт жизни без Бога. Нигде в мире не было предпринято таких радикальных попыток построить человеческое счастье без Бога, и они завершались либо Бутовскими полигонами, либо созданием «сверхдержавы», которая в одночасье развалилась без единого выстрела. У нас имеется опыт, которого нет более ни у кого, вот почему мы не имеем права на ошибку.

Если же, отталкиваясь от этого исторического опыта, мы будем действовать, соединяя духовное и материальное, то действительно построим процветающее общество, которое может стать примером для многих.

Благодарю вас за внимание.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/59084/